

Две главы из «ЖЗЛ»

– будущей книги о Василии Аксёнове

135

Глава 1

Приди ко мне, мой грустный беби...

1

Вот как-то так.

Рождаются люди.

В боли, криках, слезах, всхлипах... Мамы зовут маму. И отцы кого-то зовут, к кому-то взывают... И все здесь похожи – жёны маршалов и слесарей, артистов и токарей, мэров и пекарей. И незамужние – тоже... И мужчины их трепещущие похожи. И никому на земле неведомо, кто явился на свет, – всеобщий заступник или мелкий преступник, беспринципный предатель или бесстрашный спасатель, злодей ли, герой ли, ой ли, ой ли, можем ли ведать мы о человеке, явившемся на свет?..

Но сказано в Писании: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришёл час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир». Вот и родился он в мир – в Казани, 20 августа 1932 года – человек, сын Павла Аксёнова и Евгении Гинзбург – председателя Татарского областного совета профсоюзов и известной в городе журналистки и преподавательницы.

Мы не знаем, сильно ли страдала, громко ли и на каком языке кричала мать младенца. Не знаем, чем занимался в этот момент отец его Павел – железный партиец, не чуждый почти ничего человеческого. Не ведаем, что тво-

Дмитрий Петров (1962) родился в Москве.

Окончил педагогический институт.

Работал в «Учительской газете», «Комсомолке»...

В начале 90-х становится исследователем-стипендиатом Института политических исследований Университета Дж. Хопкинса в г. Балтиморе (США). На Пасху 1993 года в православной церкви в Балтиморе впервые встречается с Василием Аксёновым, которым зачитывался ещё в школе.

В том же году, накануне октябрьских событий в Москве, возвращается на родину. Публикует стихи, прозу... Готовит к изданию в серии «ЖЗЛ» книгу о В. Аксёнове

*Василий Аксёнов.
Снимок публикуется впервые.
На обратной стороне фотокарточки
карандашная надпись:
«Дорогой сестрёнке Майе. 2/VIII-56»*

рилось в их доме по улице Комлева (до революции – Комиссариатской, а ныне – Муштари), что пролегает вблизи известного в городе тишайшего и милейшего Лядского садика – любимого места прогулок окрестных малышей...

Бог знает. А из ныне живущих – никто. Значит, неопишимо. Но вообразимо.

Родные и близкие младенца радовались и веселились, ибо у вожака красных профсоюзов родился сын. И нарекли его в честь деда – Василием.

Пили ли по случаю красных крестин, много ли, кто и что именно – не известно, да и не важно. Важно, что состоялось и таинство подлинных крестин. Хотя и позднее, чем предписывает церковь. Впрочем, о том – в своё время.

Неведомо, и кто праздновал рождение. Были ли гости... Однако в точности зафиксировано, что роды прошли успешно и матушка новорождённого – красавица Евгения Соломоновна Гинзбург чувствовала себя нормально – не хуже и не лучше обычных рядовых ро-

жениц. Известно также, что радость отца была безбрежна и безмерна, и эта безмерность, быть может, могла в тот момент сравниться – а то и соперничать! – с безбрежностью дел, коим он посвящал свою боевую пролетарскую молодую жизнь.

Ведь и взаправду молод был председатель Татропфсовета. Всего-то с 1899 года, то есть тридцати трёх лет от роду. Но с задачами, которые ставила партия, справлялся. И приказы её исполнял. Во-первых, как же иначе? А во-вторых, потому, что мы молодая гвардия рабочих и крестьян, ведь не зря же у нас каждый молод сейчас в нашей юной прекрасной стране! Кроме, конечно, белогвардейских, кулацких, меньшевистских, эсеровских и прочих недобитков, время которых, товарищи, окончательно и безвозвратно прошло. И хотя ещё кое-где у нас порой поднимали голову буржуйские последыши, и обстановка в целом на повестке дня стояла чрезвычайно сложная, энтузиазм, граждане, был исключительно высок.

2

Что ж это за год был такой в Союзе Советских Социалистических Республик – от рождества Христова 1932-й?

А такой был год, что мало не казалось. Пятилетка пролетарским молотом выковывала новую страну. Вступили в строй Горьковский автомобильный завод, первая домна Магнитогорского металлургического комбината (Магнитка), Первый подшипниковый завод в Москве, Кузнецкий металлургический комбинат, первая очередь Днепрогэса. Состоялась первая передача движущегося изображения (телекино).

Впервые были испытаны ракетные снаряды калибров 82, 132, 245 и 410 мм конструкции Б.С. Петропавловского и Г. Э. Лангемака. С Францией, Польшей и Финляндией подписаны договоры о ненападении.

Был организован Союз архитекторов СССР. Стартовал конкурс на лучший проект Дворца Советов. Власть утвер-

ждалась твердокаменно и, как казалось, несокрушимо. Даже страшный голод, свирепствовавший на Украине, в Казахстане, в Самарской губернии, Республике немцев Поволжья и других регионах и унёсший около 8 миллионов жизней, не мог её пошатнуть. Было сделано всё, чтобы в стране о нём знали как можно меньше.

Если во время страшного голода 1921 года о нём широко сообщалось и в стране, и в мире, то к 1932 году машина информации была отлажена достаточно хорошо, чтобы не тревожить и не отвлекать созидателей светлого будущего от их важных занятий.

Партия озаботилась и упорядочением труда властителей умов – писателей и других работников искусств. Было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Документ предписывал «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем», а также «провести аналогичное изменение по линии других видов искусства [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций]». Всем прежде существовавшим творческим организациям, включая Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП), было предписано самораспуститься.

Партия хорошо понимала важность искусства как инструмента управления массами. Но чтобы этот инструмент был эффективен, его самого нужно было сделать управляемым. То есть, в представлении тогдашнего руководства, максимально централизованным.

Важные шаги на этом пути уже были предприняты. Так, если в 1922 году (военный коммунизм!) 220 частных московских издательств опубликовало 803 печатные работы, включая газеты и журналы, а цензура отклонила немногим более пяти процентов текстов, то в 1932-м уже частных издательств и изданий не было вовсе.

Несмотря на это, Постановление ЦК встретило сопротивление. Руководство РАПП жёстко раскритиковало его в своём журнале «На страже литературы». Фактически это была публичная критика Сталина с просоветских позиций, левых позиций. Тогда она ещё была возможна.

Но «легальная смута» уже искоренялась. Постановлениями ОГПУ в несудебном порядке в 1932–1933 гг. были привлечены к уголовной ответственности видные оппоненты Сталина – Мартыян Рютин, Лев Каменев, Григорий Зиновьев и другие видные партийцы по делу «Союза марксистов-ленинцев».

3

В это время в Советской Татарии, где рос малыш Вася, его родители твёрдо следуют партийной линии.

Председатель совета боевых ленинских профсоюзов Павел Аксёнов готовит и проводит IX съезд профсоюзов республики, на котором выступает с отчётным докладом. Налицо рост выпуска промышленной продукции и вообще производительности труда. Идёт борьба за выполнение промфинплана, повышение культурного уровня трудящихся, улучшение качества руководства – 2000 человек охвачено всеми видами профучёбы.

Содействует этому и жена рабочего вождя Евгения Гинзбург – преподаёт историю ВКП(б) во ВТУЗе мыловаренного завода, одновременно руководя отделом культуры газеты «Красная Татария».

Семейство пламенных и убеждённых революционеров Павла Аксёнова и Евгении Гинзбург вместе выполняет сталинский пятилетний план.

Как жилось в ту пору региональному партийному начальству? Не сказать чтоб очень легко, весело или богато. Однако и не сказать чтоб скудно. Тревоги и трудности воспринимались как часть той повседневности, в которой «и вся-то наша жизнь есть борьба», но при этом давали возможности, доступные

далеко не всем рядовым участникам социалистического строительства. Например, квартиру в Доме работников науки и техники на улице Комлева (названной в честь видного революционера и партийного оратора, застреленного восставшим чехословацким легионом) с отдельной детской комнатой, куда, возвращаясь из поездок в Москву, порой, не сняв ещё верхней одежды, смеясь, проходили родители. Мама – учёная партийная дама в чернобурке, папа – в добротном пальто и каракулевым кепи. Детская заполнялась запахом духов, добротного табака, надёжного автомобиля. Мама брала Васю на руки, и он зарывался носом в чернобурку, стараясь не угодить в острую лисью мордочку. Папа меж тем распечатывал красивые пакеты и коробки, перетянутые шёлковыми лентами, – столичные подарки.

Вбегали старшие дети – дочь отца Майя и сын матери Алёша – от первых браков, начинались задорные танцы, затем веселье перетекало в гостиную... Маленький Вася, смеясь, крутил ручку патефона, домработницы – няня Фима и тётя Агаша подавали чай, а шофёр, сочно скрипящий кожей пальто и портупей товарищ Мельников, лукаво поглядывая, хлопал в ладоши.

Гулять малыша водили по тишей улице Комлева, на которой в доме № 15 жил, говорят, сам Ульянов Владимир Ильич, откуда зимой 1887 года и был увезён полицией за участие в революционной сходке казанских студентов. Но чаще все же прогуливались в старинном и любимом многими в Казани Лядском садике, что разбит по соседству – из окон видно – и сохранился до сей поры. Но не миновал Василий и обычного садика детского.

Это было вполне нормально для семьи ответработников, где отец – видный функционер, а мать – доцент университета, завкафедрой, сотрудница газеты «Красная Татария».

Однако ж была ещё и няня Фима – милая женщина, что рассказывала Васеньке удивительные сказки о зверином

царстве-государстве, а то певала перед сном:

Уж ты спи, ты усни,
Угомон тебя возьми!
Баю-бай, бай, малюканчик наш.
Ходит сон по бережку,
А дремота по земле.
Ищут-поищут они Васеньку в избе.
Где они его найдут,
там и спать укладут...

Спустя не так уж много лет Васина мама Женя нежданно прослезится, услышав похожую песенку из уст дневальной Марьи Сергеевны в промёрзшем лагерьном бараке колымского совхоза «Эльген»...

* * *

Как писал потом Василий Павлович, близкие объясняли ему отсутствие родителей долгосрочной командировкой на Дальний Север, то есть как бы вместе с общеизвестными героями-полярниками.

Возможно, эта нехитрая ложь во благо (которой Вася чем старше становился, тем на самом деле меньше верил) каким-то особенным образом зацепилась в его сознании, чтобы явиться фрагментами биографий многих аксёновских героев.

А может быть, всё это лишь правдоподобный авторский вымысел. Ведь писал об этом Василий Павлович не в мемуарах, а в рассказе. А в рассказе, в литературе – всё может быть, особенно в аксёновской, где живут, как подчеркивал порой писатель, «продукты беллетристического соединения» многих характеров, образов, сцен...

Сильно ли похож вернувшийся из заключения главный герой рассказа «Зеница ока» на отца Василия Павловича? Тот ли это самый мужчина, что родом из родового для Аксёновых огромного, раскинувшегося на холмах рязанского села Покровское, что на речке Мастерница?.. Похож, видимо, сильно, но всё же не в точности он. Так с героями текстов Аксёнова – почти все-

гда. Как и с героями воспоминаний: годы берут своё, не только размывая то, что принято называть фактами, но и, возможно, немало добавляя, обогащая память впечатлениями и преданиями, семейными и теми, что сочиняет человечество.

Как бы то ни было, из рассказов самого Аксёнова и свидетельств его близких несложно понять, что был семья в ту пору был схож с той советской жизнью, которую некогда с умилением показывало кино и которую до поры надёжно охраняли «железные» дзержинцы несгибаемого комиссара Николая Ежова стоя на бессонной вахте в трехэтажном здании Республиканского управления НКВД, что по-простому в Казани называли не иначе как «Чёрное озеро» (в текстах Аксёнова – «Бурый овраг»).

До сих пор говорят, что в этом доме на улице Дзержинского (она и сейчас Дзержинского), имелось ещё шесть этажей подвалов с помещениями, нужными для убеждения врагов народа в неизбежности дачи органам пролетарской диктатуры подробных показаний.

Зимой по соседству заливали городской каток, где кружили румяные юноши и девушки, пока (а может быть, *так и*) не успевшие угодить внутрь помещения и далее...

* * *

В 1935 году Павел Аксёнов стал председателем Казанского городского Совета. Членом ЦИК СССР.

У него – большая квартира, личный автомобиль «Форд», домработницы, детские няни, телефон, по которому маленький Вася звонит на работу Евгении Гинзбург и просит: «Позовите мамулю»...

Так – до 1937 года, когда из «Бурого оврага» его родители канули в лагерь. И с тех пор в Васиной жизни полностью не присутствовали. До той самой весенней поры, до которой ещё предстояло дожить. И дожидаться коей пришлось долгие годы.

В удивительной книге о тюрьме, лагере, ссылке «Крутой маршрут» Евгения Гинзбург пишет: «...и даже вот эта выносливость, которая сейчас спасает меня, – это всё дано мне ею, Революцией, в которую я вошла ребёнком».

Маленький Вася Аксёнов ребёнком вошел в сталинский террор. Стал его мишенью, жертвой, страдальцем. И чуть было не стал его добычей.

И когда его бабушка, жалея свою несчастную дочь, писала ей в ярославский политизолятор: «Васе под Новый год сделали ёлочку», он уже был потерян в недрах системы спецдетдомов для детей заключенных. Слава богу, лишь на краткое время. Но об этом – позднее.

А сперва – о родителях.

Мама писателя – Евгения Соломоновна Гинзбург – родилась в Москве 20 декабря 1904 года.

Через пять лет её отец Соломон Натанович и мама Ревекка Марковна переезжают вместе с дочерью в Казань, где вскоре юная Женя поступает в гимназию. Как некогда и её отец – известный в Казани фармацевт, видный, усатый мужчина 1875 года рождения, хорошо знавший латынь и греческий язык и желавший дать дочери хорошее образование. Того же желала и её мать, родившаяся в 1880-м, а в замужестве – домохозяйка, как и подобало в то время даме её положения.

Родители хотели отправить Евгению в Женевский университет – в начале прошлого века именно там получали европейское образование многие прогрессивные барышни из России. Однако, несмотря на настояния, Евгения отказалась от комфортабельного путешествия в уютный альпийский кантон, а предпочла ему ухабы и лишения русской революции, а также всего того, что за нею последовало.

В 1920 году она поступила в знаменитый Казанский университет на факультет общественных наук, затем, в 1922-м, перешла на 3-й курс обществен-

ного отделения Казанского Восточного педагогического института, который и окончила в июне 1924 года по специальности история. А окончив, до 1925 года преподавала на тюркско-татарском рабфаке, в экспериментальной школе при педагогическом институте, работая ассистентом кафедры истории Западной Европы в Татарском коммунистическом университете.

С 1925 года Евгения Гинзбург состоит ассистентом кафедры методики преподавания истории во всё том же Казанском Восточном пединституте. В 1926-м на свет появляется сын Алексей – старший брат Василия по матери. Его отец – ленинградский врач Дмитрий Фёдоров.

С 1930 года Евгения Соломоновна преподаёт историю ВКП(б) в Высшем техническом училище (ВТУЗе) при мыловаренном заводе им. Вахитова. И, как и подобает преподавателю общественной науки, вступает в партию. В сентябре 1933 года она получает звание доцента Казанского университета, где продолжает преподавать историю партии до октября 1935 года. Параллельно (с 1932-го по 1937 год) работает в газете «Красная Татария».

Какое-то время там же заведующим отделом международной информации работал бывший член бывшей троцкистской оппозиции профессор Николай Наумович Эльвов, знакомство с которым сыграло трагическую роль в жизни Евгении Соломоновны.

Если для Гинзбург Казань была городом почти родным, то для Эльвова стала местом своего рода ссылки.

Он появился в городе после шумной истории с изданием четырёхтомной «Истории ВКП(б)» (1926–1930), охватившей период с 1880 года до конца гражданской войны и выпущенной под редакцией Емельяна Ярославского. В написанной профессором для этой книги статье о 1905 годе были обнаружены теоретические ошибки, связанные с теорией перманентной революции – знаменитой доктриной Льва Троцкого. Да и вся книга была раскритикована Ста-

линым в его письме «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованном в журнале «Пролетарская революция». После этого ошибки авторов злополучного четырёхтомника получили ясную и опасную квалификацию: «контрабанда троцкизма».

Дело было серьёзное. Но в ту пору – до убийства ленинградского большевистского лидера Сергея Кирова – ещё не слишком. И Николая Эльвова просто убрали из Москвы, направив по путёвке ЦК партии в Казань, где он стал профессором педагогического института, был избран членом горкома ВКП(б), выступал с докладами на собраниях интеллигенции...

Он был ярок. Высок. Коренаст. Едок. Красноречив. Эрудирован. С крупной головой, обрамлённой рыжей курчавой шевелюрой. Где бы он ни появлялся, на него оглядывались. Его выступлениями заслушивались.

Собственно, это он – тридцатитрёхлетний историк партии Эльвов – выступал на городском партийном активе с докладом, посвящённым убийству Кирова 1 декабря 1934 года, которое столь много изменило и в жизни страны, и в судьбе многих тысяч людей...

Вскоре пришёл к Евгении Гинзбург с серым лицом и глазами, полными муки. Взяв на руки двухлетнего Ваську, забежавшего в комнату, он сказал синими, трясущимися губами:

– У меня ведь тоже есть... Сережка... Четыре года. Хороший парень...

– Что с вами, Николай Наумич? – удивилась Гинзбург.

– Всё. Всё кончено. Я... только хотел сказать вам, чтобы вы не думали... Это всё неправда. Клянусь – я ничего не сделал против партии.

Она было начала его утешать. Мало ли какие бывают недоразумения... А он возьми да и скажи эти странные слова:

– Мне очень больно, что и вы можете пострадать за связь со мной...

Евгения Соломоновна опешила: за какую связь? Что за чушь? Уж не сошёл ли он с ума?

Да, они были знакомы со времени

его приезда в Казань. Он появился в пединституте как заведующий кафедрой русской истории. Сразу задумал несколько изданий и обсуждал их с сотрудниками, в том числе и с Гинзбург, пригласив её для подготовки хрестоматии по истории Татарии. Встречались они и в редакции «Красной Татарии», куда его направили на «укрепление» коллектива научными кадрами. Но ничего такого, что можно было бы назвать «связью» в любом смысле этого слова, между Гинзбург и Эльвовым не было. Из-за чего ж ей страдать?

– Вы не понимаете момента, – сказал профессор. – Вам трудно будет. Ещё труднее, чем мне. Прощайте.

В прихожей он долго не мог попасть в рукава кожаного пальто.

А на следующий день, едва Гинзбург появилась в институте, старый швейцар, знавший её со студенческих лет, бросился к ней, зашептал:

– Профессора-то... рыжего-то... увели сегодня ночью...

А через несколько дней в редакции прошло партсобрание, на котором коммунистке Гинзбург впервые были предъявлены обвинения в том, чего она не делала. Не разоблачила троцкистского контрабандиста Эльвова. Не выступила с уничтожающей рецензией на сборник материалов по истории Татарии, вышедший под его редакцией, а приняла в нём участие. Не выступала против него на собраниях...

– Но ведь никто в областной парторганизации не выступал против него... – попыталась защититься недоумевающая женщина.

– Не беспокойтесь, – урезонили её, – каждый ответит за себя. А сейчас речь идёт о вас!

– Но ведь... коммунисты выбрали его членом горкома.

– Вы должны были сигнализировать, что это неправильно. Для этого вам и дано высшее образование и учёное звание.

– А разве уже доказано, что он троцкист?

– Но ведь он арестован! Неужели вы думаете, что кого-нибудь арестовывают, если нет точных данных?

Спорить было бесполезно. И вообще – бесполезно было всё. С этого момента началось то, что в своих воспоминаниях мать Василия Павловича Аксёнова называет «прелюдией к симфонии безумия и ужаса».

5

Она получила суровый выговор по партийной линии. Строгий, с предупреждением за примиренчество к враждебным партии элементам и запретом вести преподавательскую работу. Теперь это было не очень серьёзно, а очень опасно! От таких решений зависели не только карьера и благополучие, но и сама жизнь... А товарищ Гинзбург ещё и отказалась каяться! Нет, не из упрямства, а от непонимания: в чём? От нежелания лицемерить...

Между тем политическое руководство упорно и последовательно превращало страну в арену политических расправ и публичных покаяний. Те, кто, в отличие от Гизбург, хорошо «понимал момент», бия себя в грудь, казнились за то, что «проявили политическую близорукость», «утратили бдительность», «пошли на поводу», «допустили примиренчество с сомнительными элементами», «лили воду на мельницу», «проявляли гнилой либерализм»... Оказалось, гнилой либерализм в эпоху построения социализма в одной отдельно взятой стране – дело очень опасное. Он сродни вражеской вылазке, диверсии, контрреволюции. Поэтому горячие раскаяния далеко не всегда завершались прощением.

Не удалось его добиться и Евгении Соломоновне. Но вот парадокс – несколько лет отчаянно обивая пороги партийных инстанций, она оставалась женой высокопоставленного советского функционера, члена ЦИК, и потому сохраняла все привилегии, положенные члену семьи сотрудника такого ранга...

* * *

Новый 1937 год Евгения Соломонова со старшим сыном Алёшей встречала в партийном доме отдыха Астафьево – бывшем имении князя Вяземского. На каникулах там отдыхали дети важных работников, делившие окружающих на категории соответственно марке машин. «Линкольнчики» и «бьюишники», то есть сыновья и дочери деятелей, которых возили на автомобилях «Линкольн» и «Бьюик», котировались высоко и третировали третьесортных «фордшников», тех, кого возили на «Фордах».

В Астафьеве кормили, как в лучшем ресторане. Вазы с фруктами стояли в каждом номере и пополнялись по мере опустошения. Однако дамы, сходясь в курзале, критиковали местное питание, сравнивая его с питанием в «Соснах» и «Барвихе» – других партийных здравницах.

И вправду красная номенклатура жила в комфорте. И даже в роскоши...

Вот как рассказывала о жизни элиты Агнесса Ивановна Миронова-Король (также репрессированная в ту страшную пору): «Представьте себе. Зима. Сибирь. Мороз... Глухомань, тайга, и вдруг... забор, за ним сверкающий сверху донизу огнями дворец! Мы поднимаемся по ступеням, нас встречает швейцар, кланяется почтительно... и мы с мороза попадаем сразу в южную теплынь... Огромный, залитый светом вестибюль. Прямо – лестница, покрытая мягким ковром, а справа и слева в горшках на каждой ступени – живые распускающиеся лилии...

Входим в залу. Стены обтянуты шёлком, а уж шторы, а стол...». Это описание резиденции секретаря Западно-Сибирского крайкома в середине 30-х годов. А вот сценки из курортной жизни партийного начальства:

«Мы приезжали в санаторий осенью, когда всё ломилось от фруктов. Октябрь, начало ноября. Бархатный сезон. Уже нет зноя, но море ещё теплое, а виноград всех сортов, хурма, мандарины, и

не только наши фрукты – нас засыпали привозными, экзотическими... Какие там были повара и какие блюда они нам стряпали! Если бы мы только дали себе волю...»; «Мы сели в открытые машины, а там уже – корзины всяких яств и вин. Поехали на ярмарку в Адлер, потом купались, потом – в горы, гуляли, чудесно провели день. Вернулись украшенные гирляндами... А праздничные столы уже накрыты, и около каждого прибора цветы, и вилки и ножи лежат на букетиках цветов. Немного отдохнули, переоделись. На мне было белое платье, впереди бант с синими горошинами, белые туфли... Были в тот вечер Постышев, Чубарь, Балицкий, Петровский, Уборевич, а потом из Зензиновки, где отдыхал Сталин, приехал Микоян».

Все перечисленные лица (кроме Анастаса Микояна) были казнены.

90 процентов астафьевского населения тоже было обречено. Почти всё оно в ближайших месяцы сменило апартаменты и гостиные на верхние и нижние нары. А дети, так хорошо разбиравшиеся в марках автомобилей, стали питомцами спецдетдомов. Однако пока – пир гремел!

Настал новогодний вечер. В Астафьеве накрыли богатый стол. Дамы оделись в бальное. Евгения – в новое платье, подчёркивавшее её красоту.

И... без пяти 12 её внезапно зовут к телефону. Думала, муж. Но звонил случайный знакомый... Зажурчали комплименты, а Новый год меж тем наступил. Она вернулась к столу на двенадцатом ударе. Алёша с кем-то чокался сидром. А когда повернулся к маме, уже прошло две минуты 1937 года...

«Мне не пришлось его встретить вместе с Алёшей, – пишет Евгения Соломонова в воспоминаниях. – И он разлучил нас навсегда».

6

7 февраля 1937 года Евгению Гинзбург решением бюро Молотовского райкома партии исключили из ВКП (б). А 16-го вызвали на «Чёрное озеро».

Как и многие, они с мужем ждали ареста. Не зная, кого возьмут первым.

Ночи пугали. Пугали автомобили, что проезжали под окном спальни. Ночью надежда уступала место ужасу, дикому ужасу, сжавшему горло страны и семьи председателя Казанского горисполкома и члена ЦИК Павла Аксёнова...

– Павел! Машина! – кричала Евгения шёпотом.

– Ну и что же, Женюша? Город большой, машин много...

– Остановилась! Право, остановилась...

Он, бледный, босиком бежал к окну. И нарочито спокойно ей:

– Вот видишь, грузовик!..

– А они всегда на легковых, да? – спрашивала жена.

Засыпали после шести. А утром узнавали о новых арестах.

А с Евгенией Соломоновной всё случилось без ночного сапожного шарканья и стука, а буднично – белым днём.

Они были в столовой: Евгения, Павел и старший сын Алексей. Майя ушла на каток. Вася играл в детской. Алёша завтракал. Муж читал рассказы Валерии Герасимовой. Вдруг зазвонил телефон. Теперь в семье не любили телефонных звонков. Павел Васильевич взял трубку, вслушался, побледнел и спокойно сказал:

– Это тебя, Женюша... Веверс... НКВД...

Да. Это был он – Веверс, начальник секретнополитического отдела НКВД, спокойный, любезный, деловой.

– ...Товарищ... как у вас сегодня со временем?

– Я теперь всегда свободна. А что?

– Ооо! Всегда свободна! Уже упали духом?.. Всё это преходяще. Так вы, значит, могли бы сегодня со мной встретиться? Нам нужны кой-какие сведения об этом Эльвове. Ох и подвёл же он вас!..

– Когда прийти?

– Да когда вам удобнее. Хотите – сейчас, хотите – после обеда.

– А вы меня долго задержите?

– Да минут так сорок. Ну, может быть, час...

Павел всё слышал и шёпотом настойчиво советовал идти не откладывая.

Так и порешили. Муж помог ей одеться. Алёшу отправили на каток. И тут Вася, уже привыкший к маминым отлучкам и реагирующий на них спокойно, неожиданно выбежал в прихожую и стал допытываться:

– А ты, мамуля, куда? Нет, а куда? А я не хочу, чтобы ты шла...

Евгения смутилась.

– Няня, – сказала, – возьмите ребёнка!..

Захлопнулась дверь. Евгения и Павел покинули дом.

Майка шла с катка. Они встретились на лестнице, и падчерица, ни слова не говоря, прижалась к стене, широко раскрыв глаза – огромные и голубые... У выхода встретилась старая няня Фима. Она посмотрела Евгении в лицо и промолчала, только перекрестила вслед.

Погода стояла чудная – ясный февральский день.

– Последний раз идём вместе, Паша, – молвила она. – Я государственная преступница.

– Не говори глупостей, Женюша. Если арестовывать таких, как ты, то надо арестовывать всю партию.

– Иногда у меня и мелькает такая мысль. Уж не всю ли и собираются арестовывать?

И тут... вместо обычных и уже привычных частью обличительных, а частью успокоительных слов казанский градоначальник разразился «еретической» речью: он заявляет, что верит в честность многих арестованных и гневно клеймит очень высоких персон... Евгения рада, что их мысли схожи. Но каждый шаг, каждый миг приближает их к зданию на улице Дзержинского.

И – вот оно, Чёрное озеро.

– Ну, Женюша, – говорит муж, – мы ждём тебя к обеду...

– Прощай, Паша. Мы жили с тобой хорошо... – отвечает она.

Она не говорит «береги детей». Знает: он не сможет сберечь...

– До свидания, Женюшенька!

* * *

За дверями – учреждение как учреждение. Казённая неторопливость. По коридорам сновали чиновники. В кабинетах трещали пишущие машинки. Кто-то кивнул ей, мол, «здрассьте»...

Но вот – нужная дверь. Она вошла. И сразу ударилась о взгляд Веверса.

«Их бы в кино крупным планом показывать, такие глаза, – пишет Евгения Гинзбург. – Совсем голые. Без малейших попыток маскировать цинизм, жестокость, сладострастное предвкушение пыток, которым сейчас будет подвергнута жертва. К этому взгляду не требовалось никаких комментариев.

– Можно сесть?

– Садитесь, если устали, – пренебрежительно роняет он. На лице его – смесь ненависти, презрения, насмешки, которую я потом сотни раз видела у других работников этого аппарата, а также у начальников тюрем и лагерей».

Эта гримаса входила в программу тренировок сотрудников органов пролетарской диктатуры, они репетировали её перед зеркалом. Минуты тянулись в молчании. Потом капитан взял лист бумаги и написал крупно, чтоб было видно: «Протокол допроса»...

Теперь взгляд его налит серой, тягучей скукой.

– Ну-с, так как же ваши партийные дела?

– Вы ведь знаете. Меня исключили из партии.

– Ещё бы! Предателей разве в партии держат?

– Почему вы бранитесь?

– Бранитесь? Да вас убить мало! Вы – ренегат! Агент международного империализма!

Удар кулаком... по столу. Звенит стакан.

– Надеюсь, вы поняли, что арестованы?

– Няня, возьмите ребёнка!.. – она надолго запомнила эти слова. Больше чем на 10 лет разлуки. Да нет – на всю жизнь...

Почти полгода – с февраля по июль 1937 года – мать Васи провела во внутреннем изоляторе Управления НКВД, вынося допросы и издевательства. А затем, в тюрьме на улице Красина, где узнала об аресте маршала Тухачевского и других видных военных. Там же состоялся любопытный разговор с медсестрой в тюремном медпункте. Простая женщина дала ей бинтик – подвязать спадающие чулки – и спросила спокойно, без зла: «Что вас заставило-то, а? Ну, против Советской власти что вас заставило? Ведь я знаю – вы Аксёнова, предгорсовета жена. Чего же вам ещё не хватало? И машина, и дача казённая, а одежда-то, поди, вся из комиссионных? Да и вообще...».

Кажется, её представления о роскошной жизни исчерпаны...

– Недоразумение. Ошибка следователей.

– Тш-ш-ш... – сестра покосилась на дверь. – А что, может, правда: мой отец говорил, будто вы все идейно пошли за бедный народ, за колхозников то есть, чтобы им облегчение...

Удивительный разговор. Вот, оказывается, какой миф о репрессиях сложился гуща и толща народная. Видя неумолимый погром партийных кадров, простые люди не находили ему рационального объяснения и выдумывали свои версии происходящего. И это – одна из них: мол, и среди коммунистов есть хорошие люди, что встали на защиту колхозников и страдают за народ...

* * *

В июле 1937 года Евгению Соломонову этапировали в Москву на суд – а точнее, на заседание военной коллегии Верховного суда, выносившей пригово-

ры по особо важным политическим делам.

Она сидела в спецкорпусе Бутырской тюрьмы, видела арестованных жён высших советских руководителей и героинь Коминтерна, впервые услышала жуткие вопли пытаемых, увидела руки с выдранными ногтями...

Накануне заседания суда подследственную Гинзбург знакомят с обвинительным заключением по её делу.

Под документом – подпись Вышинского, Прокурора Союза ССР. Она помнит его, холёного, курортного, в круглых очках и вышитой украинской рубашке... Его костлявую жену и дочку Зину, с которой ходила на пляж. А вспомнил ли он Гинзбург, подписывая эту бумагу? Может, и да. Ну и что? Ведь не дрогнув послал на смерть старого друга – секретаря Одесского обкома Евгения Вегера. Да и его ли одного? Так что может значить фамилия приятельницы его дочки?

Преамбула: «Троцкистская террористическая контрреволюционная группа... при редакции газеты «Красная Татария»... ставившая целью реставрацию капитализма и физическое уничтожение руководителей партии и правительства» и прочая скучная ложь: в списке членов злокозненной подпольной организации есть имена людей, никогда не работавших в газете, или тех, кто давно покинул её, переехав в другие регионы...

Но к чему всё это? О! Вот и итог. И итог страшный: «На основании вышеизложенного... предаётся суду военной коллегии... по статьям 588 и 11 Уголовного кодекса... с применением закона от 1 декабря 1934 года».

Но что это за закон?

Вопрос: ознакомились с обвинительным заключением? Всё ясно?

– Нет. Что значит закон от 1 декабря?

Тот глядит удивлённо. Разъясняет:

– Этот закон гласит, что приговор приводится в исполнение в течение 24 часов с момента вынесения.

24 часа. И до суда 24 часа. Ведь на

другой день после вручения обвинительного заключения обычно везут в суд. Итого – 48 часов. Жить осталось 48 часов...

Но ведь немыслимо же... что её на самом деле скоро убьют. Ни с того ни с сего... Её, мамину Женюшку. Алёшину и Васину мамулю...

1 августа 1937 года военная коллегия Верховного суда приговорила гражданку Гинзбург Евгению Соломоновну к 10 годам тюремного заключения со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.

– Всё вокруг меня становится светлым и тёплым, – пишет Гинзбург в «Крутом маршруте». – Десять лет! Это значит – жить!

Она встряхивает локонами, закрученными перед судом, чтобы не осрамиться перед тенью Шарлотты Корде, и дружелюбно улыбаётся конвоирам, которые с удивлением смотрят на неё.

– Обедать вы не будете? – спрашивает надзирательница, похожая на стру-хозяйку. У неё опыт. Она знает: после приговора люди не хотят есть.

– Обедать? Почему не буду? Обязательно буду, – отвечает осуждённая Гинзбург. И старательно съедает обед – мясной суп и манную кашу с маслом, положенные вообще-то приговорённым к смерти согласно традиции, оставшейся от гнилого либерала – Николая II.

– Теперь, – говорит себе заключённая Гинзбург, – я буду обязательно всё есть, хорошо спать, делать по утрам гимнастику. Я хочу сохранить жизнь...

Через двадцать дней – в день пятилетия её любимого сына милого её Васю забрали из дома и отправили в спецприёмник для детей «врагов народа».

А Евгению Соломоновну – в знаменитую ярославскую тюрьму «Коровники», где в мае 1938 года она узнала о смерти отца – Соломона Натановича, скончавшегося после недолгого заключения и избиений в НКВД. Там же узнает она и об изменении приговора – на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Оттуда отправится во Владивосток, с которого в июне 1939 года начинается новая – лагерная – эпопея Евгении Гинзбург, продолжится её крутой маршрут ...

К тому времени отец Васи, Павел Васильевич, уже два года был в заключении. Так завершилась его блистательная карьера партийного деятеля.

Когда крестьянский мальчик Паша родился в январе 1899 года в богатом селе Покровское Рязанской губернии, ничто не обещало ему такой будущности. Крепкая, зажиточная семья, с ранних лет – привычка к труду, два класса приходской школы...

Некоторое представление о Покровском даёт следующая реплика, сделанная его сыном – известным уже писателем Василием Аксёновым много лет спустя: «Огромное село такое, раскиданное на холмах. Как при царе Горохе, так и сейчас стоит, по-моему, без особых изменений. На холмах много усадеб помещичьих: там не один был помещик, много.

Когда я первый раз приехал туда с отцом в начале шестидесятых, мне рассказывали, что на одном холме, вот тут вот, барин пустил лебедей в пруды, там – беседки построил... Электричества не было, воду из колодца поднимали журавлём... пьянка безумная какая-то... родственница Таня утром нам с отцом выносила яичницу из двадцати яиц и бутылку мутного самогона. На наши возражения отвечала: «Вы же на отдыхе...». В избе – корова, куры»...

Вот и тогда были – коровы, куры, огромные вишнёвые и яблоневые сады, крашенные ставни, кирпичные амбары,

вместительные погреба, бочки огурцов и капусты, по праздникам мясо и квас, огороды, покосы, поля – знай живи не тужи, крестьянствуи!..

Но грохнул семнадцатый год, и вскоре крепкий парень Павлуша осьмнадцати лет пошёл на «гражданку», ибо был убеждён – за рабочее дело. То есть за своё.

До того успел он потрудиться и в селе пастухом, и на Рязанской железной дороге, послужить помощником писаря и членом волостного земельного комитета Покровской волости. С 1918 года – большевик. Секретарь партийной ячейки в родном селе. А с осени боевого 19-го – агитатор политуправления Юго-Западного фронта на станции Рязск. Затем инструктор политотдела 15-й Инзенской дивизии.

Вот так – по военной дороге, в огне и тревоге, по речным перекатам, по курганам горбатым родной земли проходил красный комиссар Павел Аксёнов. Бился под Каховкой. Штурмовал Перекоп. Брал Крым.

Руководство сочло его перспективным товарищем. В 1919 году сказала: «Езжай-ка ты, Аксёнов, в Москву. Учись! Сам посуди: двух классов церковной школы разве хватит для строительства нового мира?»...

И двинулся Павел в Москву. В Центральную партийную школу им. Якова Свердлова. Там-то, в столице молодой Советской республики, и познакомился с девушкой Цилей – Цецилией Яковлевной Шапиро, лишь только покинувшей боевой пост на личном бронепоезде Серго Орджоникидзе и прибывшей поступать в университет. Вскоре Павел и Цецилия сочетались пролетарским браком и поселились в Староконюшенном переулке, получив комнату в квартире, реквизированной у кого-то из «бывших». А окончив учёбу, были назначены на партийную работу.

Ждали, ох ждали Павла Аксёнова и город Шадринск Донецкой губернии, и Рыбинский, и Орловский, и Нижнетагильский губкомы РКП(б).

Незадолго до отбытия из Москвы –

накануне рождения старшей Васиной сестры Майи – из Покровского были выписаны мать Павла – Авдотья Васильевна и его сестра Ксения Васильевна с дочерью Матильдой. С той поры много лет они жили вместе, переезжая из Орла – в Шадринск, оттуда – в Рыбинск и Нижний Тагил, а в 1928 году с Урала – в Казань.

Назначенный тогда первым секретарём Татарского обкома партии кадровый большевик Михаил Осипович Разумов (Арон Иосифович Арханцев), хорошо знавший Аксёнова и Шапиро по партийной работе в Орле и Рыбинске, где был первым секретарём губкомов ВКП(б), собирал свою «команду» и пригласил в неё Цецилию и Павла, вскоре ставшего секретарем Кировского райкома партии в казанском Заречье.

В Казани изрядная часть руководящих работников жила коммунально в большом доме на Большой Проломной (нынешней улице Баумана), в огромной квартире на верхнем этаже. В самой большой комнате, меблированной лишь кроватью, письменным столом и стулом, помещался сам Разумов – член партии с 1912 года, дородный крепыш с профилем Людовика XVI, обладатель пронзительных голубых глаза, привезённого из Китая эспандера и костяной чешалки спины.

В общей столовой стоял огромный прямоугольный стол. Обитатели квартиры редко бывали дома – беззаветно отдавали себя партийному строительству в комитетах, советах, на производстве, в командировках... Однако, когда это случалось, народу набивалось полно. На всех готовила сестра Павла Васильевича – Ксения, и вроде бы спецпайка партмаксимума хватало...

Захаживала на Проломную и молодая партийная красавица Евгения Соломоновна Гинзбург.

9

Как-то вернувшись из очередной командировки, Цецилия Яковлевна узнала о романе Павла с Евгенией. Она

ничего не стала обсуждать – немедленно увезла дочь в Покровское. А сама отправилась в Москву – учиться в Институте красной профессуры. Окончив его, стала вести курс истории Запада в Военной академии РККА имени Фрунзе и одновременно работать в Институте истории Академии наук, готовить диссертацию. Жила в общежитии.

А Павел Васильевич женился на Евгении Соломоновне. В 1932 году у них родился сын Вася. Энергичный партиец Аксёнов получал всё более ответственные посты, руководил профсоюзами, переехал в другую квартиру, в Доме работников науки и техники – ДОРНИТе, ездил по городу на персональном «Форде» с шофёром-охранником, посещал обкомовскую спецдачу «Ливадия».

Там полуторогодовалый Вася впервые увидел свою сестру по отцу Майю. Совсем не избалованный особым родительским вниманием, он рос покладистым мальчиком и исправно слушался свою няню Фиму. Так они какое-то время и жили все вместе в Казани – Павел Аксёнов, Евгения Гинзбург, её сын от первого брака Алёша, дочь Аксёнова Майя и маленький Вася...

Там же, в Казани, почти по соседству на улице Карла Маркса жили и другие Аксёновы – Авдотья, Ксения и Матильда. Детям общаться с ними не рекомендовалось, но сдружившиеся Майя и Алёша нередко тайком навещались в их гостеприимный дом.

Тем временем маленький Вася учился говорить. Первыми его словами были «носок» и «чулок», а там – пошло-поехало...

Старших детей не спешили отдавать в школу – опасались инфекции, учителя занимались с ними на дому. Но потом всё же отправили Лёшу и Майю в лучшую на тот момент в городе 19-ю школу. Их окружали удивительные мальчики и девочки того времени с замечательными именами-аббревиатурами Крармия, Ленина, Октябриня, Ленистал и даже Зикатра... Вы, само собой, легко их расшифровали! Ну конечно же:

Красная Армия, Ленин–Сталин, Зиновьев–Каменев–Троцкий... Зикатра... Тогда ещё никто не знал, что их ждёт в не слишком уже далёком будущем.

Но пока всё было хорошо.

Дети Аксёнова, например, стали членами семьи председателя Казанского горсовета и члена центральных исполнительных органов страны.

Немногом ранее, в январе-феврале 1934 года, Павел Васильевич участвует в XVII съезде ВКП(б) – «съезде победителей». Верный сталинец, он рад, что партийная оппозиция фактически разгромлена.

Делегатам вручали подарки. С подарком вернулся в Казань и Аксёнов – привёз со съезда патефон...

А вскоре на совещании у нового первого секретаря Татарского обкома Альфреда Лепы узнал подробности прошедших на съезде выборов нового Центрального Комитета ВКП(б). Оказывается, против Сталина голосовало больше 49 процентов делегатов.

Эта цифра ошеломила Аксёнова. Ещё больше его поразило то, что на первом пленуме нового ЦК при выборах Политбюро за Сталина проголосовало чуть больше половины членов ЦК, в то время как за всех других было подано подавляющее большинство голосов. А вот ленинградского партийного вожака Сергея Кирова избрали единогласно.

Лепа не стал комментировать цифры, но сказал, что «хозяин» был в гневе. Ещё больше рассердило Сталина то, что после выборов друзья Кирова – сам Лепа, Станислав Косиор¹, Павел Постышев², Роберт Эйхе³ и другие взяли его качать, и он насилу вырвался, бросив им: «Идиоты, неужели вы не

понимаете, что ваша неуклюжая любовь боком выйдет мне!».

Через девять месяцев он был убит.

Следом начались чистки партийных рядов и известные нам мытарства Евгении Гинзбург.

Были в её деле и эпизоды, не описанные в «Крутом маршруте» (и, возможно, даже не известные ей), но крайне значимые в её судьбе, как и в судьбе её мужа – Павла Аксёнова. Летом 1936 года Альфред Лепа прямо сказал ему: «Знаешь, Аксёныч, твоя жена Гинзбург очень не нравится членам бюро обкома». Да и самому Лепе она была не по душе: «дерзкая, гордая, бестактная, неуважительно относится к руководящим товарищам и их жёнам, высмеивает установившиеся в активе отношения и вообще является чужеродным телом среди руководящих работников...». Разве такой должна быть дисциплинированная коммунистка, жена ответственного работника? Лепа прямо объявил Гинзбург «ненашим человеком» и посоветовал Аксёнову порвать с ней супружеские отношения.

«Тогда, – пишет в своих воспоминаниях Павел Васильевич, – такая бесцеремонность была в порядке вещей. Более того, Лепа как секретарь обкома был убеждён, что выполняет высокую партийную миссию». Аксёнов же ответил, что «даже папа римский не решил бы возложить на себя функции, которые Лепа присваивал именем партии». Тот же печально ответил: «Эх, товарищ Аксёнов, как жаль, что не захотел ты понять: мы искренне хотели помочь тебе. ...Придет время, и ты поймёшь это, но будет поздно».

И всё. Разговор окончен.

Что именно имел в виду секретарь

¹ С. В. Косиор – видный деятель ВКП(б). 3 мая 1938 года был арестован и обвинён в принадлежности к «польской военной организации». 26 февраля 1939 года приговорён к смертной казни и расстрелян.

² П. П. Постышев – видный деятель ВКП(б). 26 февраля 1938 года был арестован. 26 февраля 1939 года приговорён к смертной казни и расстрелян.

³ Р. И. Эйхе – видный деятель ВКП(б). 29 апреля 1938 года был арестован и обвинён в создании «латышской фашистской организации». 2 февраля 1940 после пыток приговорён к смертной казни и расстрелян.

обкома, Павел Васильевич понял, когда в начале февраля 1937 года в Казани прошло собрание партийного актива, где его публично шельмовали за политическую слепоту и потворство жене-троцкистке, которое нанесло огромный вред партии.

«Гнусные мысли вползали в мою голову и терзали сердце», – пишет Аксёнов в мемуарах. Испытание отречься от жены по велению партии было соразмерно моральному давлению со стороны руководства. Кроме того, он прекрасно знал, что «вина» жены неизбежно отразится на нём самом.

Однако он нашёл в себе силы выступить с взволнованной речью, в которой пытался защитить Евгению Соломонову. «...Если Гинзбург троцкистка, – сказал Павел Васильевич, – и в той или иной форме вела или ведёт борьбу против партии, то буду голосовать за исключение её из партии. Но ведь доказательства её вины не было и нет, и принимать на веру то, что о ней говорилось здесь, значит поддерживать клевету».

Партактив внимательно выслушал выступление товарища Аксёнова и признал его неудовлетворительным. Битья себя в грудь, яростных отмежеваний и проклятий в адрес супруги – вот чего, видимо, ждали от председателя Казанского горсовета. И, не дождавись, в ночь с 4 на 5 февраля на закрытом заседании бюро Татарского обкома партии принудили его подать в отставку. Связались с Москвой – секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреев (в 1921 году во время дискуссии о профсоюзах стоявший на платформе Троцкого и Бухарина) рекомендовал принимать решение на месте. И оно было принято.

Павел Васильевич Аксёнов был отправлен в ... отпуск. С 15 февраля 1937 года. А также снабжён деньгами для организации отдыха.

Бывший председатель горсовета вернулся домой около 3 часов ночи. Евгения не спала. Вконец измученная, она ждала от него поддержки. Но чем же он мог успокоить её?

* * *

В первый день его отпуска – погожий и свежий – Евгению Гинзбург вызвали в НКВД. Домой она не вернулась.

Павел Васильевич провёл вечер бродя вокруг «Чёрного озера». Ждал, стоя напротив дверей НКВД: «может, дверь скоро снова откроется и жена, радостная и весёлая, пойдёт мне навстречу? Дверь так и не открылась...».

Когда он вернулся домой, дети спали.

Павел позвонил Веверсу. Спросил:

– Что вы сделали с Гинзбург?

– Она у нас, – загремел раскатистый и самодовольный голос.

– Это что, всерьёз и надолго?

– А это уж как получится, ха-ха-ха-ха! – раздался наглый хохот человека, чувствовавшего свою силу и превосходство.

Вася готовился ко сну, обсуждая с няней последние события в придуманном ею сказочном зверином царстве-государстве. Увидев отца, он спросил, почему нет мамули? И заявил, что не ляжет, пока она его не поцелует. С немалым трудом его убедили, что мама в командировке и вернётся через несколько дней, а сейчас пора спать. Вася долго возился, засыпая, всхлипывая, сквозь дремоту призывая маму, но кое-как всё-таки уснул.

10

В ту же ночь к Аксёнову пришли с обыском.

Оперативную группу возглавлял хорошо ему знакомый телохранитель предсовнаркома Татарии Кияма Абрамова¹ лейтенант НКВД Зотов. Он отказался обыскивать детскую, однако в других комнатах чекисты изъяли несколько книг и документов. В том числе брошюру, изданную ЦК «не для печати», где были собраны письма Ленина Троцкому по поводу волнений в Грузии

¹ К. А. Абрамов будет арестован в 1937 году и 9 мая 1938 года расстрелян.

в 1922 году. В них Ленин настаивал на отстранении Сталина от подавления беспорядков, объясняя, что тот «относится к категории поваров, способных готовить только ОСТРЫЕ БЛЮДА, и что может принести неисчислимые бедствия». В четыре утра чекисты покинули квартиру.

Измотанный Павел Васильевич заснул, а утром его разбудил Вася... Малыш рассказал, что очень скучает по мамуле, а теперь отправляется гулять. Проводив сына и няню на улицу, услышал телефонный звонок. Телефонировал Веверс. Он сообщил список вещей и продуктов, которые следует передавать арестованной по мере необходимости.

Павел Васильевич понял: да, это всерьёз. Но лишь до тех пор, пока трагическая ошибка следственных органов не выяснится.

Он и думать не смел, что арест жены – часть колоссального плана, и уж подавно не предполагал, что репрессии коснутся его самого! Да, он знал об арестах других, как видных, так и рядовых, членов партии и простых людей, но был убеждён, что органы пролетарской диктатуры сажают врагов, а если и допускают ошибки, то вскоре их исправляют.

Однажды в его в дверь позвонила Роза, дочь приятеля – наркома просвещения республики Исхака Рахматуллина. Не по-детски глядя ему в глаза, девочка сказала:

– Ночью арестовали и увезли в тюрьму моих папу и маму.

«Удивительное дело, – пишет в мемуарах Павел Васильевич, – сообщение не произвело на меня должного впечатления. Я принял его как обыденный факт». «Что это было, – вопрошает он, – бессердечие, эгоизм... или дей-

ствие защитных сил организма, начавших, независимо от моей воли, подготовку моей собственной персоны к подобной участи?»

– Квартиру вашу, вероятно, отберут, – сказал тогда Аксёнов Розе. – Оставайся у нас...

– Спасибо. Но я уже нашла себе квартиру. Буду жить у тёти, – ответила двенадцатилетняя девочка и ушла, унося на плечах свою неизмеримую ношу...

Этот визит лишь побудил Павла Васильевича проявить толику сострадания и участия к дочери репрессированного товарища (дочь за отца ведь не отвечает, неправда ли?). Но отнюдь не помог ему усомниться в справедливости самой репрессии. Не заставил испугаться за себя и близких.

«Мы не умели мыслить, – сокрушённо вспоминал потом Павел Аксёнов, – больше того, мы боялись мыслить!»

Даже беседа с Лепой¹, шельмование на партактиве и фактическое отращивание от поста предгорсовета он не воспринял как предостережение себе. Во всяком случае мы не находим на это указаний ни в воспоминаниях самого Павла Аксёнова, ни в свидетельствах его родственников.

Это может показаться удивительным, но он был убеждён, что, поскольку он честный и верный коммунист и чист перед партией, – ему лично ничто не угрожает. В этом мнении его утвердил и нарком внутренних дел республики Петр Рудь², любезно принявший бывшего предгорсовета и уверивший его в том, что у НКВД нет конкретных претензий ни к его жене, ни к нему самому.

Оптимизма добавили приглашение на заседание ВЦИК, участие в похоро-

¹ В 1937 году А.К.Лепя будет снят с поста первого секретаря обкома, после безуспешных попыток добиться приёма в ЦК, ляжет в больницу, будет арестован в палате и доставлен в Казань. После семидневной «выстойки» без сна и под пытками он «сознается», что был польским шпионом и агентом гестапо. Немногие из выживших, в том числе и Павел Аксёнов, будут вспоминать рыдающий крик Лепы, когда после пыток его волокли по коридору в камеру: «Простите, товарищи, я больше не мог выдержать». Расстрелян.

² 15 ноября 1937 года Пётр Рудь будет расстрелян в «особом порядке».

нах Серго Орджоникидзе, назначение на должность начальника конторы по строительству казанского оперного театра, участие в торжествах по случаю 17-й годовщины образования Татарской АССР, предложение подписать Конституцию республики.

Лишь внезапное исключение из ВКП(б) партколлегией Комиссии партийного контроля поколебало его уверенность в своей неприкосновенности. Аксёнов вышел из помещения партколлегии, не видя ничего вокруг. Опустил руку в карман, обнаружил, что там больше нет партбилета, вспомнил, как на его попытку оправдаться услышал: «Ты, Аксёнов, не на митинге, ораторствовать тебе не дадим. Положи билет на стол».

Вспомнил и горько заплакал...

11

Впрочем, возможно, тревога в его душе поселилась раньше – когда незадолго до того, на заседании ВЦИК, он встретил своего бывшего друга и руководителя, а ныне «хозяина Восточной Сибири» Михаила Разумова. Тот звал его к себе в «Метрополь» – обедать. Там, налив две чашки водки, сказал: «Несчастье таких людей, как мы, в том, что невозможно спрятать себя, как иголку в мешке... А главное наше несчастье – это семьи. Нам не следовало обзаводиться жёнами, и в особенности детьми». Они крепко выпили, и больше никогда не встречались¹.

После этой встречи по одной версии Павел Аксёнов направился к своей бывшей супруге Цецилии и попросил её взять к себе Майю, а затем отправился в Ленинград к Дмитрию Фёдорову – первому мужу Евгении Гинзбург с предложением приютить Алёшу; по другой версии, предложенной самой Майей Павловной, он дал телеграммы в Москву и Ленинград с просьбой забрать детей.

Их развезли. Больше Майя и Алексей друг с другом не виделись.

Маму Авдотью Васильевну, сына Васю и его воспитательниц он оставил с собой в квартире на улице Комлева.

После исключения из партии Павел Васильевич, как и прежде, ходил на работу. Только – с узелком: ждал ареста, который и последовал 7 июля 1937 года.

Страшно и стыдно читать об изощрённых издевательствах, унижениях и пытках, которые пришлось пережить и вынести подследственному Павлу Аксёнову. Когда-то, сражаясь на гражданской войне, он, красный политработник, думал: если вдруг попадёт в плен – сможет ли достойно вынести муки в контрразведке «белых»? Теперь его садистски мучили и гнусно глумились над ним «красные», требуя оговорить себя и многих невинных, а порой и незнакомых ему людей. Пытки голодом, бессонницей и электрическим током сменялись посулами, избиениями и другими омерзительными издевательствами – увещеваниями и обещаниями...

Павел Васильевич долго терпел, казалось бы, невыносимые физические и душевные страдания. И в какой-то момент сдался...

История знает примеры беспримерной стойкости и мужества перед лицом беспощадных мучений. Но, как правило, тогда, когда причиняются они врагами, а не «своими». И куда тяжелее сопротивляться, когда над тобой измываются люди в советской форме, с теми самыми звёздами на фуражках и рукавах, которые в общем-то совсем недавно носил ты сам. И принуждают тебя сознаться в том, чего ты не делал. Сознаться просто потому, что «так надо», потому, что «этого требует партия», которой ты беззаветно служил и в дело которой искренне верил многие годы.

Павла Аксёнова сломали. Он с горечью пишет об этом в своих воспоминаниях. Пишет и о том, как раскаяние в слабости и попытка отказать от показаний повлекли за собой не менее тяжёлые мучения – он обличал своих па-

¹ М. О. Разумов – видный деятель ВКП(б). 29 октября 1937 года приговорён к смертной казни и расстрелян.

лачей, жаловался в Прокуратуру и был за это до полусмерти избит Прокурором республики Егоровым и следователем Крохичевым. А ситуация не изменилась – выбитые показания остались в силе. Это повергало Павла в тоску и отчаяние.

* * *

Что может оживить до крайности измученного и до предела отчаявшегося человека? Что может дать утешение томящемуся в застенке и страдающему от укоров собственной совести? Встреча с родными.

Но она же может и ослабить его, родить в душе ложные надежды на милосердие палачей, а то и упования на возможность освобождения ценой оговора себя и других.

После очередной очной ставки с теми, кого он якобы привлёк к враждебной деятельности и давал задания, Павла Васильевича вывели на воздух и незнакомой дорогой доставили в уютный дворик, полный покоя, деревьев и цветов. Следователь оставил его одного на садовой скамье, сказав, что скоро вернётся.

Вскоре во дворе появилась сестра Павла Васильевича Ксения и – о боже, какое это было счастье! – его сын Вася.

Павел Васильевич описывает это свидание довольно сдержанно, языком почти документальным, но легко вообразить, что он пережил, встретив любимого сына, о котором знал лишь то, что его увезли из Казани! Поистине эта встреча стала для них неожиданным, удивительным счастьем: «Вася очень быстро сориентировался в обстановке. Он бросился ко мне, вскарабкался на колени, обвил своими ручонками мою шею, прижимался, ласкался, целовал и непрерывно говорил: «Папа! Папа! Папа!..». По-видимому, ему внушили ничего не спрашивать о маме и о моём возвращении домой. И Вася выдержал эту линию. Он продолжал целовать меня и не хотел уходить с моих колен.

Я видел настоящую заботу Адриана¹ и Ксении, сумевших за короткое время победить рахит, нажитый их племянником Васей...

Я смотрел на Васю. Мне было приятно, что он такой чистенький и ласковый, и чувство благодарности к брату и сестре охватывало всё моё существо. Я совсем не думал о будущем. Мгновения настоящего были так хороши!»

Но свидание закончилось. Подследственный Аксёнов вернулся в камеру, а его сын – домой, разлучённый с отцом на долгие годы...

* * *

9 ноября 1938 года начался процесс в здании Верховного суда ТАССР. Он был открытым. Показательным. В качестве свидетелей по «делу Павла Аксёнова и его группы» (забрали почти весь аппарат горсовета – зампреда Ковалёва, главного инженера Баранникова, всего 11 сотрудников и депутатов) было вызвано 210 человек.

Сначала дело считалось хозяйственным. Потом стало политическим. Подсудимых защищала группа адвокатов, в числе которых был приглашённый Цецилией видный юрист Пётр Петрович Дивногорский.

На суде Павел Васильевич Аксёнов публично отказался от показаний, данных под следствием. Судья укорил его: мол, вы же всё подписали, ясно и отчётливо признали вражескую деятельность против партии и Советского государства, как объяснить эти противоречия на предварительном и судебном следствиях? Мол, как же это? – назвал-ся груздем – так полезай в кузов!

– Мои показания – результат грубого принуждения! – заявил Аксёнов.

– Если к вам применяли незаконные методы следствия, почему вы не обратились с жалобой к Прокурору республики?

¹ Адриан Васильевич Аксёнов – младший брат Павла Васильевича.

На это подсудимый поведал о том, что последовало за его жалобой.

После перерыва судебного заседания свидетели были отпущены до особого распоряжения, публика удалена, а заседание было объявлено закрытым.

Адвокат Пётр Дивногорский сказал Аксёнову: «Вы сорвали показательные представления». За время процесса опытный юрист при помощи подсудимых сумел сперва добиться передачи дела Казанского горсовета на новое расследование, затем и оправдательных приговоров для большинства обвиняемых. Тогда это ещё было возможно... Хотя, скорее всего, это случилось потому, что за три дня до окончания процесса со своего поста был снят «железный сталинский нарком внутренних дел» Николай Ежов¹, и возвращение жерновов массового террора было временно приостановлено.

Узнав о благоприятном для себя исходе суда, лежавший в тюремной больнице Ковалёв, потрясённый, умер от разрыва сердца. По свидетельству дочери Павла Аксёнова Майи, освобождённый Баранников приехал к ним в Москву, сказал: «Павел Васильевич не сегодня-завтра будет на свободе...». Но нет. Его дело изъято из ведения гражданского суда и передано «тройке». Приговор: высшая мера.

Аксёнов в одиночке – камере смертников. От полного отчаяния его спаса-

ет муха – единственный собеседник на протяжении многих дней. Он пишет письмо с просьбой о помиловании и передаёт Цецилии. Та прорывается к оставшимся в живых и на свободе влиятельным знакомым, пускает в ход все свои коминтерновские и другие связи.

Знакомые глядят на неё в изумлении: с какой стати эта некогда оставленная мужем женщиной так истово хлопочет за него? Она отвечает: «Не хочу судить Аксёнова как человека, но что он не виноват перед партией, в этом я уверена». Чего в её действиях больше – неумершей женской любви или жажды справедливости? Сегодня точно ответить на этот вопрос невозможно, однако Цецилия делает всё, чтобы спасти Павла от «вышки».

Сложно сказать, насколько помогли её хлопоты, однако расстрел Павлу Аксёнову заменяют на пятнадцать лет лагерей, три года ссылки и конфискацию имущества. Шепчут: повезло – вступился Калинин...

Но тучи сгущаются и над самой Цецилией. Её исключают из партии и увольняют из Академии Фрунзе. А 29 января 1941 года увозят на Лубянку...

А Павел Аксёнов – уже в Инте, в лагерях. Его реабилитируют в 1955-м. Вскоре он вернётся в Казань, где и встретит сына – Василия. Того, которого помнит малышом, весело крутящим ручку патефона...

¹ Н. И. Ежов – видный деятель ВКП(б), руководитель НКВД. 10 апреля 1939 года был арестован по обвинению в «руководстве заговорщической организацией в войсках и органах НКВД СССР, в проведении шпионажа в пользу иностранных разведок, в подготовке террористических актов против руководителей партии и государства и вооруженного восстания против Советской власти». 3 февраля 1940 года приговорён военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу; 4 февраля расстрелян.